Александр Сотников

БЕЗ ПЕРЕРЫВОВ И ВЫХОДНЫХ

История о том, как я прожил три года так,
как другие не хотят, чтобы сейчас жить так,
как другие не могут

БИЗНЕС-РОМАН

Москва
Writer's Way
2024

УДК 82-3
ББК 84(2)6
С67

Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны.

ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО WRITER'S WAY

Сотников, А. Н.
С67 Без перерывов и выходных: История о том, как я прожил три года так, как другие не хотят, чтобы сейчас жить так, как другие не могут / Александр Сотников. — Москва : Writer's Way, 2024. — 344 с.

ISBN 978-5-907787-47-6

Самое достойное наследство, которое я могу оставить после себя, — это количество жизней, которые я изменил в лучшую сторону. Именно это осознание натолкнуло меня на мысль написать книгу. Я понял, что так смогу передать еще больше своего опыта, и уверен, что на этих страницах каждый найдет для себя что-то новое, сделает выводы и решится на первый шаг в другую жизнь.

Чтобы вложить в книгу максимальную пользу, я представлял, что пишу эти строки самому себе 20-летнему. Если бы тот прошлый я прочитал что-то подобное, это помогло бы добиться желаемого гораздо быстрее, эффективнее и увереннее. Совершить меньше ошибок и действовать осознаннее.

УДК 82-3
ББК 84(2)6

Социальная сеть Instagram принадлежит организации Meta, признанной экстремистской в РФ

ISBN 978-5-907787-47-6

© Сотников А. Н. текст, оформление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Сектор N 4

Акт I, в котором один момент испортил всю малину 17
Сектор I. Боль от дисциплины весит граммы, а от сожаления — тонны 18
Сектор II. Найти своих или стать своим для других? 34
Сектор III. Чтобы был результат, нужно делать, а не пробовать делать 48
Сектор IV. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть 62
Сектор V. Бери больше, бросай дальше 84
Сектор VI. Все мы продаем свое время за деньги. Вопрос только в том, во сколько ты его оцениваешь 102
Сектор VII. Везет тому, кто везет 116
Сектор VIII. Результат создает результат 132
Сектор IX. Что излучаешь, то и получаешь 148
Сектор X. Мышцы растут через боль 164
Сектор XI. Через год ты скажешь себе спасибо за то, что начал сегодня. 184
Сектор XII. У тебя нет шансов на поражение, если ты не остановишься 196
Сектор XIII. Любой может стать любым. 212

Акт II, в котором малина становится вареньем 231
Сектор I. Сто на тысячу 232
Сектор II. Всегда помни, откуда ты 250
Сектор III. Создавай безопасность. Ничто не вечно 266
Сектор IV. Прорабатывай свои страхи. Иди навстречу им 284
Сектор V. Если хотя бы один человек смог сделать, значит, сможет любой. . . 298
Сектор VI. Чем больше сила, тем больше ответственности 314
Эпилог. Октябрь 2022 года 336

CEKTOP N

Тишина. Никогда не думал, что тишина может быть настолько густой и гнетущей, давящей, как бетонная плита. Ни один звук не прорывает эту тягучую, удушливо обволакивающую пелену. Я смотрю в потолок — до него больше двух метров, но между ним и мной сконцентрировалось нечто настолько плотное и вязкое, что невозможно дышать. А внутри пустота. Внутри квартиры и внутри меня.

Еще пару дней назад во мне было столько сил и уверенности, что мир лежит у моих ног, что еще один-два шага — и мои мечты станут реальностью. Но все рухнуло. В одночасье, от сурового приговора: «Нам надо расстаться». И теперь, раздавленный, лишенный сил и воли, я лежу на кровати в съемной квартире, а в голове шумит череда бессмысленных вопросов: «Почему это происходит именно со мной?», «Чем и перед кем я провинился?», «Как она могла?», «Что дальше?», «Зачем все это?», «Как и для чего мне теперь жить?».

Пытаясь сбежать от этих вопросов, надеясь убить их, чтобы уже не искать ответы, я переворачиваюсь и зарываюсь головой в подушку. От дурных снов это обычно спасает: переворачиваешься со спины на бок или с живота на спину — и происходит перезагрузка.

«Так, а что там с ремонтом?» — пытаюсь озаботить себя новой темой. Все уже на завершающей стадии, еще пара месяцев — и я въеду в свою роскошную квартиру с умопомрачительным видом на Бугринский мост, набережную... Да, но и это наше общее дело мне завершать одному. И эта квартира теперь уже не наша, а моя. Зачем мне одному две комнаты? Зацепившись за этот вопрос, голову и все нутро снова начали разрывать догнавшие меня монстры: «Почему это происходит именно со мной?», «Чем

и перед кем я провинился?», «Как она могла?», «Что дальше?», «Зачем все это?», «Как и для чего мне теперь жить?».

Когда-нибудь ответы найдутся или сами вопросы отпадут за ненадобностью, но как же тяжко сейчас. Как страшно искать ответы. Не понимаю, почему именно сейчас, когда я добился всех тех целей, которые еще совсем недавно казались призрачными и далекими, я лишился человека, ради которого я к ним и шел?

За окном теплый июль светлого 2019 года. У меня своя квартира, в которую уже скоро можно будет заселяться, под окнами стоит шикарная черная Audi A7, которую я выбрал задолго до того, как возможность ее купить стала реальностью, мой ежемесячный доход в несколько раз превышает те 150 000 рублей, ради которых я пошел учиться на программиста. А отношения рухнули. И вместе с ними разрушилась моя концепция семейного счастья: сначала заработать, добиться успеха, а уже потом семья, дети...

Я погружаюсь в воспоминания. Сначала из тумана прошлого проявляется вечер, когда мы случайно познакомились: звонок старосты, я еду на машине на незнакомую мне квартиру, встречаю старосту с ее подругой, почти всю ночь мы катаемся по городу... Потом мы уже вдвоем ездили в горы, часами гуляли, и нам было одинаково легко и комфортно вместе как за беседой, так и просто молча. Потом у нас появилась «наша квартира». Мы в ней еще не жили, а только начали ремонт, но это был наш ремонт для нашей жизни в нашей квартире.

И сквозь все эти воспоминания раскаленными иглами меня стали пронизывать болезненные фразы: «Ты совсем не уделяешь мне внимания...», «Почему мы так мало проводим времени вместе?..», «Неужели я для тебя ничего не значу?».

Вот! По крайней мере на один вопрос ответ нашелся: «Почему это произошло?»

— Да потому, что я был слишком зациклен на своих задачах. Я оказался идиотом, который не замечал очевидных вещей, о которых ему говорили прямым текстом, — выношу я себе суровый, но справедливый приговор.

Мой план не сработал. Нельзя отложить внимание к женщине, которую любишь, на потом. Оно нужно здесь, сейчас и постоянно. А мне так хотелось побыстрее развить свой бизнес, обеспечить себя и семью всем необходимым, а все остальное — уже потом...

Я пропускал явные «знаки», предупреждающие меня о возможной «аварии» наших отношений, снова и снова давил на газ бизнеса. Я был как лихач, который каждый день видит баннеры «Водитель, будь осторожен», но игнорирует их, пока не случится авария. Но аварии бывают разные. Есть те, которые отрезвляют и заставляют тебя задуматься, а бывают такие, после которых уже ничего нельзя исправить. В одну из таких я и попал в отношениях. Я перестал придавать значение «знакам», поэтому наша пара на полной скорости влетела в бетонный столб. И теперь уже ничего не вернуть.

Сердце разрывало сильное сожаление о том, какой я был дурак и не замечал того, что было на виду. Ведь она же прямо говорила, что́ ей было важно получать рядом со мной. Но у меня был немного другой план: я сначала хотел обеспечить нашу будущую семью, а потом уже раствориться в ней. Без лишних мыслей: «А чем кормить детей?» или «А на что нам жить завтра?».

Она пыталась достучаться до меня, но я будто не видел или не замечал этих важных вещей до тех пор, пока не стало слишком поздно. Сейчас я бы все сделал иначе, но вернуться и все исправить невозможно. Это осознание отзывается резкой болью в груди.

И вот еще пару дней назад во мне горел огонь, а теперь я не могу найти в себе силы даже на то, чтобы съездить себе за кофе, не говоря о каком-то там бизнесе, команде, движении к цели... Впрочем, съездить хотя бы за кофе я все-таки могу. А к воспоминаниям и разрывающим меня на части мыслям я еще успею вернуться. Может, в конце концов они меня на части и разорвут, но кофе перед этим я выпью.

***

Я проснулся еще до звонка будильника. Пошарил рукой по полке дивана, куда обычно кладу телефон, и не нашел его там. И тут вспомнил, что, вернувшись домой и выпив кофе, я прилег, чтобы посмотреть что-нибудь в YouTube и отвлечься. Но, похоже, даже не заметил, как отключился. Сработал в мозгу все-таки какой-то механизм самозащиты и запустил процесс «перезагрузки». Встаю с дивана, осматриваюсь: так и есть, телефон лежит на полу, видимо, выпал из рук. На экране «6:00». До запланированного выезда в офис еще три часа. Или, может быть, устроить себе сегодня выходной?

Пытаюсь прислушаться к себе: как оно там внутри сейчас после крепкого и продолжительного сна? Кажется, полегчало... Немного... Однако эта радостная иллюзия с каждой минутой все неотвратимее растворяется в пустоте и тишине квартиры. А все те вопросы и мысли, которые вчера кипели во мне, теперь как будто растворились в воздухе и вновь проникают в меня с каждым вздохом.

— Нет! Надо отсюда бежать! В офис, к моим ребятам. Я им нужен, и они нужны мне. Туда, где будет другой воздух, где будут люди и самые разные неотложные дела. Хотя бы в офисе, надеюсь, не будет времени на все эти мысли, воспоминания и самокопание, — твердо решаю я. А вообще, интересный жизненный поворот — ехать заниматься рабочими процессами, чтобы не думать ни о чем другом. Если бы у меня был начальник, то я бы стал для него идеальным подчиненным: на работе все мысли только о работе.

Уже через час я вышел из квартиры. Запирая дверь, я мысленно оставил за ней того себя, которым я был «там» со всеми «теми» терзаниями. А пока буду ехать, постараюсь настроить и взрастить в себе того, по внешнему виду которого не скажешь, что внутри. Пусть улыбка и спокойный взгляд скрывают от окружающих бушующий внутри ураган.

— Непростая задача! Справишься? — бросаю я себе вызов и завожу машину нажатием кнопки. Изученный до каждого метра маршрут помогает ехать уверенно и сконцентрироваться на решении поставленной задачи. С каждым поворотом и светофором я все глубже переключаюсь на рабочие процессы: решаю, что я обязательно должен сегодня сделать, кому позвонить, что можно сделать еще, чтобы буквально до секунды и максимально эффективно заполнить рабочий день. А главное, я должен в течение всего этого времени удержать тот позитивный эмоциональный заряд, который мои партнеры и ученики уже привыкли получать. Это моя такая же «рутинная» задача, как проведение вебинаров и презентаций.

Когда я парковал машину, то мысленно уже был в офисе. С таким же нетерпением я ждал лифт, который должен был поднять меня на 23-й этаж, пожалуй, только в первые дни, когда меня переполняла буря эмоций оттого, что мой бизнес оформился уже в нечто столь осязаемое и убедительное, как свой офис в центре Новосибирска с видом на Оперный театр. Теперь, спустя почти год, поднимаясь в лифте, такой эйфории я уже не испытывал, но чувствовал все более сильное стремление провести и самого себя, и свой бизнес через это новое для меня испытание.

К счастью, день был наполнен огромным количеством встреч и общением с людьми. По плану надо было провести вебинар для всей команды, и привычка ответственно подходить к каждому публичному выступлению не давала мне свободного времени думать о том, что тревожило меня в последние дни. Как и всегда, ко мне часто подходили партнеры, обращаясь за помощью, и наше взаимодействие отвлекало меня от тех мыслей, от которых сложно было избавиться в одиночестве.

Этот день прошел быстро и легко, а о том, справлюсь ли завтра, послезавтра, через неделю, я старался не думать. Должен справиться. Смог сегодня — смогу и завтра. Более того, появившийся во мне заряд энергии требовал еще какого-то применения. А может, мне просто хотелось оттянуть тот момент, когда

я вновь открою дверь съемного жилья, в котором запер вчерашние мысли и воспоминания.

В любом случае я решил заскочить в свою квартиру, которая уже не будет «нашей». Дверь открыл мой тезка Александр — усатый мужчина с седыми висками, большим животом и открытым приветливым взглядом.

— Здоро́во! А мы тебя, как обычно, в пятницу ждали. Что-то срочное? Какие-то новые идеи возникли?

— Нет, просто мимо проезжал, решил заглянуть. Все в порядке? Ничего не требуется?

— Да, занимаемся ванной, плитку кладем, можешь пройти глянуть. По-моему, очень хорошо выходит, а как подсветку сделаем — вообще огонь будет, — с явной гордостью за дело своих рук похвастался прораб.

Подсветка... Помню, сколько времени мы потратили на проработку дизайна, пытались разобраться, какой тип освещения выбрать, где, как и какие именно лампочки или светильники разместить. Интересно, как мне теперь одному в этом семейном гнездышке на двоих будет житься?

Александр стал привычно и увлеченно рассказывать, где, что и как он со своей бригадой будет делать дальше. А меня это уже совсем не воодушевляло, как раньше. Снова стала наваливаться и душить опустошенность. Только если утром давила тишина, то теперь — этот резкий контраст между тем, с каким настроением я приезжал в эту квартиру раньше и с каким безразличием я хожу по ней сейчас. Пожалуй, это даже хуже, чем безразличие, — страх и непонимание, как я здесь смогу жить один. Может, продать ее? Не знаю... Будет выглядеть как поражение и бегство от самого себя. А это не мой метод. Я должен как-то пройти через эту ситуацию, справиться с одолевающей меня безнадегой. Когда-то и как-то это должно пройти.

Спустя несколько часов я вернулся в съемную квартиру. Вновь боролся с вязкими тяжелыми мыслями, тишиной и пустотой, просыпался, настраивался на работу, ехал в офис, находил

еще какие-то дела, чтобы оттянуть возвращение в клетку гнетущих воспоминаний, и так по кругу...

В таком режиме прошла пара месяцев. Я переехал в новую квартиру, которую изначально представлял как прочную основу своей будущей семьи, даже раньше, чем планировал. Покупали и выбирали мы ее вместе, а вселяюсь я один. Радость от покупки мы получали вместе, а радость от первой ночи в ней мне не с кем разделить. После ярких вебинаров, достигнутых амбициозных целей и впечатляющих показателей в бизнесе — заслуженных побед в нашей компании — я поднимался на лифте и смотрел на свое одинокое отражение в зеркале. Новенький лифт преодолевал этажи быстро и почти беззвучно. Его шум легко бы заглушил наш смех, но я поднимаюсь и не слышу ничего, кроме этого ровного шуршания.

Я захожу в квартиру. Безукоризненно срабатывает датчик движения и включается подсветка. Я прохожу в спальню: кровать будто космический корабль, готовый вылететь через огромные панорамные окна нашей — то есть моей — квартиры. Но ни ремонт, ни великолепный вид на Бугринский мост и набережную меня не вдохновляют так, как я представлял в мечтах.

За окном сумерки, а в этой квартире меня опять начинает преследовать все та же ненавистная тишина. А вслед за ней вновь отдельными вспышками возвращаются уже порядком изнурившие меня за два месяца мысли и картинки, которые как специально явились, чтобы помешать насладиться моментом. Из-за них я не получаю удовольствие от достижения очередной цели — вместо этого мне становится невыносимо тоскливо.

Я сажусь на диван, раскидываю руки по его спинке, закрываю глаза и запрокидываю голову. Прошу моего верного и единственного собеседника в этой оглушительной тишине — умную колонку — включить музыку. Что-то из моего плейлиста.

— Хорошо, включаю Thomas Mraz — «Миллион». Приятного прослушивания!

— Спасибо, хороший выбор.

Музыка заиграла, и слова песни, которую я не слышал уже несколько недель, как молнией пронзают меня! Так, как я услышал эти строчки сейчас, я их никогда раньше не слышал:

Наведи камеру, чтобы прослушать трек на всех платформах

«Миллион»

Thomas Mraz

Hangover

Один миллион следов, что оставил на этой тропе,
Хоть я влюблен, один на миллион, что мы будем вдвоем,
Ревущий фьорд внутри, но с виду как спящий каньон,
Когда я вышел из комы, я был уже в центре шторма,
Я тебя отпускаю, словно дерево листья,
Я тебя отпускаю...

Да уж, точно: когда я вышел из «комы», стало совсем уже поздно...

«Ревущий фьорд внутри, но с виду как спящий каньон» — вот тебе и рецепт на ближайшее будущее. Именно таким я был все эти два месяца для всех вокруг — спящим каньоном. Буду им и дальше...

Описанные выше события происходили со мной летом 2019 года. Потребовались месяцы и годы, прежде чем я взглянул на них отстраненно, как «исследователь», и смог вычленить главное: что бы ни случилось в жизни, никогда не сдавайся и не опускай руки. Сколько бы мне ни рассказывали про лягушку, взбившую масло в кувшине, действительно понять эту истину я смог лишь тогда, когда сам угодил в «кувшин». Балансируя на грани между отчаянием и стремлением выжить, я пытался найти какие-то зацепки, точки опоры, чтобы как-то и куда-то себя вытащить. И такой опорой для меня в итоге стал мой бизнес.

Я не знаю, как и что у меня получилось бы при «нормальном» стечении обстоятельств, если бы я не пережил столь болезненный разрыв, но то, к чему я пришел уже спустя четыре месяца, в значительной мере произошло «благодаря» тем событиям. Так получилось, что бушевавшую внутри меня энергию «ревущего фьорда» я смог

направить не на саморазрушение, а на созидание. Подобные ситуации случаются в жизни каждого человека, но не каждому удается с ними справиться. Черная полоса может оказаться лентой и никогда не кончиться, если идти вдоль нее, а можно повернуть — это выбор каждого.

Именно та моя личная «катастрофа», как ни странно, послужила толчком и катализатором для бурных процессов в моем бизнесе. И когда я впоследствии попытался понять, а как вообще у меня все это получилось, как я достиг того, что имею сейчас, то, узелок за узелком развязывая хитросплетенный клубок событий, встреч, расставаний, разговоров и просто рождавшихся во мне идей, я понял, что ключевым звеном во всем этом был именно тот день, когда я, превозмогая апатию, опустошенность и отчаяние, нашел в себе силы выйти из квартиры, сесть за руль и поехать в офис.

«А разве это не сюжет для книги?» — подумал я в тот момент. Именно так и появилась эта идея. Но та цепь событий, которая развивалась дальше, имела свою предысторию. Поэтому из лета 2019 года мы перенесемся на пару десятков лет назад. Ненадолго.

01

АКТ I,
В КОТОРОМ ОДИН МОМЕНТ ИСПОРТИЛ ВСЮ МАЛИНУ

СЕКТОР I

БОЛЬ ОТ ДИСЦИПЛИНЫ ВЕСИТ ГРАММЫ, А ОТ СОЖАЛЕНИЯ — ТОННЫ

Всегда фиксируй (записывай) все,
что может быть для тебя потенциально полезным.

Отец начал бизнес в середине 1990-х годов, когда я только родился. Поначалу он просто привозил в Златоуст мороженое и сам его продавал. Сейчас это кажется чем-то невероятным, но ближайшим местом, где можно было мелким оптом закупить товар, был Челябинск, то есть около 100 километров в один конец. Никаких «рефрижераторов» или просто мобильных холодильных камер тогда не было — приобретенные коробки с мороженым отец возил на «жигулях» в обычном прицепе. Нетрудно догадаться, что за полтора часа дороги в летнюю жару мороженое таяло, его приходилось сначала снова замораживать дома в морозилке холодильника и только после этого продавать. Зимой же спрос на мороженое был близок к нулю. Поэтому в межсезонье отец постоянно искал какие-то иные способы заработка. Иногда что-то получалось, иногда — не очень. Однако он был максимально открыт новым возможностям и искал их даже в случайных встречах.

В итоге произошло так, что новое и ставшее впоследствии значительно более успешным направление в бизнесе отец нашел, просто ожидая своей очереди на оптовом рынке. Стоявшему рядом мужчине был нужен человек, который бы взялся за доставку парфюмерии и различной бытовой химии, и отец с готовностью предложил свои «транспортные мощности». Впоследствии примерно то же самое произойдет и со мной. Мой приход в бизнес будет связан с рядом совершенно случайных встреч, одна из которых станет по-настоящему судьбоносной.

Начав с небольших партий и устранив из бизнеса фактор сезонности, отец стал достаточно быстро, как тогда было модно говорить, «раскручиваться». И самым наглядным проявлением этого стало приобретение «Газели». Это было для меня одним из

самых ярких детских впечатлений: я сижу за рулем новенького мини-грузовичка, который отец только-только пригнал к нам во двор.

В свои пять лет я, разумеется, мало что знал о машинах, поэтому для меня это было настоящим чудом: такая огромная, вместительная, казалось, что в нее хоть всю нашу квартиру можно загрузить. А главное, ни у кого в нашем дворе, ни у кого из моих друзей такой машины не было! Я сидел за рулем, до которого едва доставал, и мечтал о том, что когда вырасту, то обязательно тоже куплю себе эту волшебную машину, буду что-нибудь на ней развозить по городу и обязательно катать на ней своих друзей.

Потом у отца появлялись и другие машины, каждая из которых для меня казалась еще более грандиозной, особенно праворульная Toyota. Она была привезена из Японии, что в моем детском мировоззрении с трудом укладывалось. Больше всего меня впечатляли иероглифы, приклеенные на лобовое стекло, которые остались от прошлого владельца.

В тот момент у меня начали появляться всё новые и новые мечты о своей собственной машине. Я представлял, как это круто, когда ты перемещаешься по городу на своей «тачке», свободно ездишь по своим делам и ни от кого не зависишь.

Разницу между личным автомобилем и общественным транспортом я остро ощутил во втором классе. Родители очень серьезно подошли к выбору школы, расспрашивали знакомых, друзей и в конце концов нашли ту, в которой, по отзывам, были очень сильные учителя. Но она была достаточно далеко от дома. Поэтому в первый год меня возили туда на машине, а со второго класса я уже начал ездить туда сам на маршрутке. Я смотрел на проезжавшие мимо автомобили и мечтательно «выбирал», а какая из них когда-нибудь станет моей?

В свои восемь лет я каждый будний день около 30 минут ездил в школу, а потом назад, привыкая к самостоятельности и чувству ответственности. Возвращаясь домой, я самостоятельно делал уроки, а если мне что-то было непонятно, то обращался за

помощью к отцу, который для меня всегда был и остается главным авторитетом.

Вообще, меня всегда поражало, как много всего он знает. А отец не столько знал, сколько понимал, как и что работает, по каким законам и правилам. К примеру, мне не так легко давалась физика. Я приходил с учебником и тетрадкой к отцу и просил помочь с решением какой-нибудь задачи. Он все это брал у меня, смотрел исходные данные и уже через несколько минут начинал объяснять: что, как и почему. Я недоумевал:

— Пап, неужели ты все это со школы помнишь?! Это ж когда было?

— Саш, я не помню, я просто понимаю! И ты старайся понять. Невозможно забыть то, что ты однажды понял. Чем больше и быстрее ты сможешь понять, тем проще тебе будет в жизни.

— А зачем мне понимать эту физику? — не унимался я, так как мне не хотелось тратить время на понимание вещей, которые представлялись мне занудными. — Вот какой мне будет в жизни толк от понимания того же закона сохранения массы?

— О! Да это же один из самых важных и самых универсальных законов физики. Вся наша жизнь на этом построена.

— Это как так? — опешил я. Отец вообще любил удивлять людей: словами или молчанием, ярким неожиданным действием или же спокойной безучастностью — в зависимости от ситуации.

— Понимаешь, Саш, ничего в нашей жизни не появляется из ничего и не исчезает в никуда. Особенно такая вещь, как время.

— А если я просто лежу на диване и ничего не делаю, разве время не уходит в никуда? — засомневался в этой жизненной формуле я.

— То время, которое ты тратишь «ни на что», отбирает у тебя время, которое ты мог потратить «на что-то». Оно высасывает из тебя потенциально полезное время. Выражаясь языком компьютерных игр, ты «лагаешь»: не совершаешь то действие, которое мог бы совершить на час раньше, и, соответственно, пропускаешь удар, даешь противнику возможность опередить тебя. Или

можно сказать, что ты не «прокачал» себя, а кто-то другой это сделал, и теперь тебе придется догонять. Так что давай, хватит болтать, дуй дальше прокачивать себя по физике.

И это стало одной из главных вещей, которых я вынес из учебы в школе: знать крайне мало, надо понимать. Поэтому нет более бесполезного занятия, чем тупая зубрежка. Да, конечно, для развития памяти, расширения эрудиции и повышения общекультурного уровня важно учить стихи, заучивать какие-то цитаты, мудрые мысли и т. п. Но от всего этого будет мало толку, если не понимать, что́ стоит за каждой строчкой и словом. Понимание сути — вот что становится волшебным ключом, открывающим самые потаенные двери с самыми сложными замками.

А еще за 11 лет учебы мне довелось сменить четыре школы. Каждый раз для меня это было серьезным вызовом — впереди была неизвестность: новый район, новая школа, новые учителя, новые одноклассники... Как там все будет? Мне было важно влиться в коллектив, приобрести друзей, стать своим для новых, совершенно чужих людей. И я четко ставил перед собой эту цель, стремился разрушить барьеры недоверия и подозрительности к чужаку. К счастью, интереса к чужаку у детей всегда больше, чем недоверия, и я этим пользовался: охотно рассказывал о себе, делился байками из предыдущих школ, предлагал помощь по выполнению домашки, благо с этим у меня проблем не было. Думаю, именно так и вырабатывались те базовые навыки коммуникации, которые в дальнейшем мне очень пригодились по жизни.

Самой важной, наверное, больше всего повлиявшей на меня, стала четвертая школа. В моей жизни это была первая поворотная точка, из которой я мог пойти по одной из двух дорожек: вверх или вниз. Тогда я этого, разумеется, не понимал, но сейчас, спустя годы, я четко вижу, куда я мог бы уйти, если бы за предыдущие три школы не научился расставлять приоритеты и понимать, что́ для меня важно, а что́ второстепенно, чему стоит уделять время, а где — пустые или даже опасные забавы.

Было мне тогда 15 лет, и я впервые осознал, как окружение может влиять на поведение и судьбу человека. Жили мы в самом обычном районе российской глубинки. А вот школа, в которую я ходил, была одной из лучших в Златоусте. В ней я начал добиваться первых успехов в робототехнике, которой начинал заниматься еще в начальной школе, и после перерыва в несколько лет вновь вернулся к своему увлечению. Это не была какая-то гимназия или элитная спецшкола, но и каких-то откровенных лоботрясов, хулиганов, двоечников в моем школьном окружении не было. Чего не скажешь о друзьях, с которыми я проводил свободное время во дворе.

Я часто попадал в истории. Еще в 12 лет самой «безопасной» и «мирной» из наших игр была, пожалуй, «царь горы» или что-то в этом духе. Впрочем, безопасной настолько, насколько могут быть безопасными потасовки в сугробах, гонки на велосипедах, скутерах, сноуборде, соревнования в том, кто перепрыгнет яму на стройке. Практически каждое из этих развлечений отпечаталось в моей памяти какой-нибудь травмой той или иной степени тяжести. В сугробных битвах я как-то распорол о битое стекло колено; став старше, катаясь на сноуборде, сломал руку.

А в 16 лет сломал ключицу, катаясь на своем первом скутере. Самое забавное, что я тогда даже не понял, что это перелом: пытаюсь снять футболку, а правая рука не поднимается... Как будто упирается во что-то. И только в травмпункте выяснилось, что это очередной перелом. Мне быстро наложили бандаж и сказали, что следующие два месяца мне предстоит спать только на спине. Послушав рекомендации врача, я как ни в чем не бывало отправился домой. Но, не успев перешагнуть порог, а лишь только скрипнув входной дверью, я услышал удивленный голос мамы:

— Сашенька, что случилось?!

— Да ничего, мам. Ерунда. Врач сказал, что пара месяцев — и срастется.

Но все мои уличные приключения происходили только после, а не вместо школы. Более того, уже и при выученных уроках.

Для меня было немыслимо прийти на урок и трястись от страха: спросят или не спросят? Всегда проще было сесть и сделать домашнее задание, чем придумывать и продумывать, как потом оправдаться. Не помню точно, в каком именно классе отец на полученную тройку сказал:

— Сын, ты учишься не для меня, не для мамы, не для учительницы. Ты учишься для себя. Если тебя устраивают тройки, то, значит, ты соглашаешься быть середнячком. Если ты за что-то взялся, то должен быть первым, лучшим. А лучшие тройками не довольствуются. Если что-то начал делать — побеждай. Или не начинай вообще.

Меня это очень сильно зацепило, и полагаю, что именно это во многом защитило меня от разных соблазнов или просто глупостей, которыми была полна моя «вторая» уличная жизнь. Ведь несмотря на то, как меня воспитывали родители и какую систему ценностей в меня закладывали, в том числе своим примером, улица также оказывала на меня ощутимое влияние. Не могу назвать нашу компанию беспризорниками, но озорниками мы точно были, а в некоторых случаях вообще ходили на грани.

Во дворе, помимо безобидных догонялок, пряток и войнушек, мы также занимались вещами, за которые во взрослом возрасте мне стало стыдно. Несмотря на частую смену школ, жил я все детство в одном месте, и у нас была уже сформировавшаяся компания, в которой одним явно не хватало острых ощущений, а другим казалось невозможным и позорным не принять участие в очередной общей авантюре. Будучи 12–13-летними школьниками, мы придумывали для себя разные испытания: брали друг друга на слабо. Одним из таких испытаний было мелкое воровство в районном супермаркете: под видом покупки газировки надо было прихватить каких-нибудь конфет, шоколадок или жвачек.

Хорошо помню свой «первый раз». Сердце билось так сильно, что казалось, его стук слышу не только я, но и окружающие; что все, кто есть в магазине, следят за мной. Такого страха я еще никогда не испытывал, но давать заднюю было уже не по-пацански,

поэтому трясущимися руками, осторожно озираясь по сторонам, я запихнул в карман несколько конфет, взял баночку газировки и, преодолевая дрожь в коленках, направился к кассе. Вопреки моей уверенности, что кассирша рентгеновским взглядом просмотрит мои карманы и обязательно найдет конфеты, все обошлось.

Как правило, мы оставались незамеченными, и начинало складываться впечатление, что так будет всегда. Пока моего друга все-таки не поймали. В тот момент меня пронзила простая мысль, которая почему-то не приходила раньше: «А что будет, если мои родители узнают об этих недостойных развлечениях? Как отреагирует мама? Что скажет отец?» Было страшно их разочаровать, ведь они всегда воспитывали во мне порядочного и честного человека, а я в своих уличных шалостях докатился до магазинного воришки. Подобные проступки явно не оправдывали их ожиданий.

Поэтому после нескольких дней переживаний я твердо решил придерживаться тех принципов и качеств, которыми меня наделили родители. Я стал находить поводы, чтобы пропустить очередной «налет» на магазин, и с удивлением обнаружил, что это оказалось совсем не так сложно и «позорно», как представлялось. Более того, мне показалось, что и другие мои друзья стали вслед за мной терять интерес к этой «забаве», и как-то сама собой эта проказа со временем сошла на нет. Было совестно вспоминать, как я прятал эти конфеты в своей комнате, чтобы их не нашли родители. Без них и без этого постоянного страха быть разоблаченным жить было намного лучше. Этот жизненный опыт не прошел бесследно, ведь впоследствии он позволил понять простую, но важную мысль: получать желаемое честным путем гораздо приятнее, чем испытывать судьбу и удачу в сомнительных авантюрах.

Оглядываясь назад, я понимаю, что все эти дворовые приключения появлялись неслучайно: нам было банально скучно и мы занимали свободное время так, как это позволяли детская фантазия и детский же уровень понимания ответственности за свои поступки. Сегодня я очень рад, что вовремя обратил внимание на вещи более важные, чем пацанские понты, и решил для

МЫ ВСЕ ИСПЫТЫВАЕМ ДВА ВИДА БОЛИ:
ЛИБО БОЛЬ ОТ ДИСЦИПЛИНЫ,
ЛИБО БОЛЬ ОТ СОЖАЛЕНИЯ.
РАЗНИЦА В ТОМ, ЧТО ДИСЦИПЛИНА ВЕСИТ
ГРАММЫ, В ТО ВРЕМЯ КАК СОЖАЛЕНИЕ
ВЕСИТ ТОННЫ

себя, что продуктивнее будет налечь на учебу, уделять больше времени занятиям по робототехнике и тренировкам по дзюдо. В результате на дворовую жизнь оставалось все меньше и меньше времени. Тем более к тому времени у меня уже появилась определенная и серьезная цель: поступить в столичный или ведущий областной вуз на программиста. И я понимал, что здесь меня будет ждать очень высокая конкуренция и, чтобы попасть на бюджет, мне нужно начинать готовиться уже сейчас.

Уже было понятно, что ЕГЭ мне предстоит сдавать по русскому языку, математике и информатике, поэтому в 10–11 классах я начал заниматься с репетиторами. С одной стороны, я прекрасно понимал, что всего несколько часов подведут итоговую черту под многими годами обучения в школе, а также определят мое как минимум ближайшее будущее. А с другой — я все еще был подростком, перед которым было множество ежедневных соблазнов: хотелось погулять с друзьями, сходить в кино с девушкой, поиграть в компьютерные игры... И нужно было выбирать, а точнее, ежедневно вести внутренний бой между тем, что мне хочется, и тем, что я должен делать.

И как будущий программист, каковым я мечтал стать, я нашел для себя алгоритм, следуя которому мне стало проще объяснять самому себе, почему занятия с репетитором, подготовка к контрольной или экзамену важнее сиюминутных радостей от развлечений. Подсказку я нашел в цитате Джима Рона:

«Мы все испытываем два вида боли: либо боль от дисциплины, либо боль от сожаления. Разница в том, что дисциплина весит граммы, в то время как сожаление весит тонны».

И действительно, если поставить на две чаши весов эти две боли: ту, которую я сегодня испытываю из-за необходимости отказаться от прогулки или игры за компьютером, с тем разочарованием и сожалением, которое ждет меня, если я провалю ЕГЭ и не смогу поступить в вуз, то они действительно соотносятся как граммы с тонной. Более того, сегодняшняя боль дисциплины будет щедро вознаграждена радостью от достижения

цели, к которой долго шел. Разочарование же от провала ничем компенсировать уже не получится. Благодаря этому подходу неотвратимость ЕГЭ с каждым днем давила все меньше, страх перед этим первым в моей жизни серьезным испытанием постепенно вытеснялся уверенностью, что оно мне по силам.

Тем не менее, когда время ЕГЭ все-таки пришло, это было очень большим стрессом. Меня терзали сомнения: а вдруг приложенных усилий окажется недостаточно и радости первой победы мне не испытать? Я старался гнать от себя любые мысли о том, что будет, если я плохо сдам экзамены. В конце концов, я накопил достаточный объем знаний, я пропустил через себя, постарался осмыслить и понять каждый из предметов, по которому предстояло пройти тестирование. Это должно было сработать!

В итоге у меня получилось. Я немного не дотянул до той высокой планки, которую сам себе поставил, но взятая высота была достаточной для того, чтобы с уверенностью подавать документы в те вузы, которые я для себя наметил.

Наконец пришло то желанное для меня время ожидания письма о зачислении. По сути, перетерпев «боль дисциплины», я наслаждался двойным «вознаграждением»: меня переполняла радость от достижения цели, и в дополнение к ней я мог наконец-то позволить себе и те разнообразные удовольствия, в которых сознательно ограничивал себя во время подготовки.

Время тех последних, если так можно назвать, пока еще школьных каникул летело быстрее, чем обычно. И наконец-то настал счастливый и долгожданный момент, когда на электронную почту пришло то самое письмо из Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), которым меня уведомляли о зачислении на факультет автоматики и вычислительной техники (АВТФ).

И за первой радостью пришло и все больше нарастало чувство тревоги. После покупки билета на поезд до Новосибирска начался обратный отсчет. Каждый вечер приближал меня к поездке на вокзал и расставанию с родными минимум на четыре месяца, до

Нового года. И меня с головой захлестнула новая волна совершенно неведомых до сих пор ощущений: предвкушение кардинальных перемен в образе жизни, перемен со множеством неизвестных.

Всю жизнь я рос вместе с родителями, в кругу друзей, со многими из которых был знаком с детсадовского возраста. Мне было комфортно, уютно, в своем городе я знал практически каждый уголок. В Новосибирске же у меня вообще никого не будет! Мне снова придется вливаться в новый коллектив, приноравливаться к жизни в общежитии, изучать новые предметы, познавать профессию и искать друзей. Такая неизвестность одновременно пугала и пробуждала интерес узнать: «А что же там дальше?» Только справившись с одним вызовом, я вплотную подошел к новому.

Настоящей кульминацией внутренней борьбы между покорением неизвестности и заманчивым благополучием устоявшегося домашнего быта стал день отъезда из Златоуста. Я осознавал, как долго и настойчиво шел к своей цели — поступлению в вуз, как сильно мечтал уехать из родного города, чтобы достичь чего-то большего и открыть для себя новые перспективы. Но, сидя в поезде и наблюдая, как катятся слезы по щекам провожающих меня сестренки и мамы, я был на волоске от того, чтобы остаться. Уверенным, хорошо заточенным буром сквозь меня проходила навязчивая мысль: «А может, ну его всё? Чего я забыл в этом Новосибе? Здесь мне все знакомо, все устоялось-устаканилось — живи и горя себе не знай».

«Если начал — побеждай, иначе зачем начинать?»

Только это наставление отца меня, пожалуй, и удержало на сиденье до отправления поезда. А дальше стало уже проще: колеса стучат, мелькают за окном перроны, тайга, отсчитывают километры столбы вдоль полотна... Обратной дороги уже нет. Впереди самостоятельная студенческая жизнь, койка в общаге, новые друзья, новые возможности, новые знания и открытия. Это нормально, когда ты боишься нового, неизвестного, да еще в таких объемах. И это пройдет. Все новое не так уж и долго остается новым. А неизвестное очень

быстро становится известным. Оно может понравиться или не понравиться, вызвать какие угодно эмоции, но страха уже не будет. В ту же ледяную воду прыгнуть гораздо страшнее, чем это оказывается на самом деле. Надо просто сделать этот шаг, решиться, испытать на себе, получить этот опыт и уже потом решать, что с ним делать. Стоит ли повторять?

Любопытство — хорошее лекарство от страха. И с каждым новым километром, приближающим меня к Новосибирску, мне становилось все более интересно, чем страшно.

Эта книга пропитана большим количеством пасхалок и глубоким смыслом, зашитым в ее историю, чтобы каждый мог получить важные инсайты. Мне не хотелось писать сухие рекомендации и учить тому, как жить: самому не очень откликаются книги-лекции. Гораздо интереснее читать те, где рассказана история реального человека, а фрагменты его жизни наталкивают на собственные важные мысли и открытия.

Когда-то я сам прочитал книгу одного из выдающихся предпринимателей, в которой он просто рассказал, как пришел к тому, что имеет. Тогда я очень много почерпнул из его истории и именно поэтому решил написать книгу в таком жанре. Во-первых, это гораздо легче читать, во-вторых, можно увидеть в ней то, что автор изначально, может быть, и не закладывал, но к тебе по цепочке ассоциаций пришла идея. Поэтому советую читать очень внимательно: только полностью

погружаясь в процесс, можно извлечь максимум пользы.

На этот счет у меня есть история. Один мой приятель прочитал все книги на русском языке по своему направлению бизнеса. Он изучил всё вдоль и поперек и, когда литература на родном языке закончилась, перешел на иностранную. В итоге он прочитал более 100 книг, касающихся его сферы деятельности, но выдающегося результата и яркого преимущества на фоне коллег и конкурентов они ему так и не дали. Я же придерживаюсь другой стратегии и считаю, что лучше прочитать одну книгу и применить из нее 100% информации, чем прочитать 100 и применить из каждой по 1%.

Именно поэтому прими твердое решение вдумчиво читать каждую строчку этой книги, а местами перечитывать, чтобы глубже понять те мысли и смыслы, которые заложены здесь.

Если ты сможешь добиться своих самых желанных целей благодаря моей книге, это станет лучшей наградой для меня.

Марк Твен писал: «В жизни каждого человека есть два великих дня: день, когда он родился, и день, когда он понял, для чего!» Я буду счастлив, если моя книга приблизит тебя к этому пониманию.

Приятного времяпрепровождения наедине со мной. В добрый путь.

СЕКТОР II

НАЙТИ СВОИХ
ИЛИ
СТАТЬ СВОИМ ДЛЯ ДРУГИХ?

Делай все
безотлагательно.

— А вот и твоя комната. С соседями познакомишься, тараканов не пугайся — не съедят. Это студенческое общежитие, а не «Хилтон» — они у нас такие же постояльцы, как вы, только на лекции не ходят... — залилась раскатистым гоготом женщина, представившаяся как комендант общежития. Надо сказать, что и выглядела она именно как «комендант», разве что без фуражки и портупеи. Но за свою «крепость» и установленные в ней порядки она стояла горой, заранее отбивая у всякого желание нарушать правила.

Будучи невысокой, но весьма плотной женщиной, она обладала громким, убедительным и не подразумевающим возражений голосом. В сочетании со строгим испепеляющим взглядом она могла любого припереть к стенке и размазать по ней в буквальном смысле слова. Впоследствии я это не раз наблюдал или слышал, поднимаясь по лестнице в той части второго этажа, где располагалась ее «штаб-квартира».

Я осматривал комнату, пытаясь осознать новую реальность, — именно здесь мне предстоит жить несколько ближайших лет. Помещение могло бы считаться просторным, если бы не два сдвинутых стола прямо посередине между двумя двухъярусными кроватями. Единственное свободное место — на втором этаже справа — обнаружить было несложно по свернутому вместе с подушкой матрасу. Уже с порога было видно, что я у него буду далеко не первый. Тем временем верховная жрица общежития вернулась к исполнению своих обязанностей блюстителя порядка:

— Значится, так! По ночам не шляться, до 23 не будешь на месте — ночуй где хочешь. Девок не водить! — подмигнула она и подвела итог: — В общем, чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях...

На этот раз радость по поводу собственной шутки была не больше ее оригинальности, и комендантша поспешила удалиться. Тем более что еще несколько человек с чемоданами и сумками толпились в холле на первом этаже и с нетерпением ждали, когда и их удостоят индивидуальным «стендап-шоу» с заселением.

— Здоро́во, сосед! — поднялся мне навстречу и протянул здоровенную ручищу человек, которого я при всем богатстве своего воображения никак не мог представить своим будущим соседом: на программиста он явно не был похож. Впрочем, будущего журналиста и студента факультета гуманитарного образования, как выяснилось позже, мне в нем разглядеть было столь же сложно.

Груда мышц весом не менее центнера, под два метра ростом, со стриженной под ноль головой, массивными скулами, высоким широким лбом и неулыбчивым угрюмым лицом. Особый колорит образу придавал блеснувший на указательном пальце протянутой ко мне правой руки огромный, с грецкий орех, перстень-печатка со всем известным древним символом солнца.

— Привет! Саня, — представился я и протянул руку, приготовившись противостоять мощным тискам.

— Толя, — ответил сосед. Его рукопожатие оказалось предсказуемо сильным, но, к моему удивлению, не безжалостным. — Что, пользуешься успехом у девчонок?

— Не понял... — растерялся я от неожиданного вопроса.

— Коменда — это мобильный рентген, она каждого насквозь видит и с ходу выставляет «диагнозы». Не помню, чтобы она ошиблась: кто бухает, кто торчит, кто дебоширит, кого после первой же сессии отчислят... Местный оракул практически. Тебя вон в донжуаны сразу записала. Да еще так разошлась... Такое ощущение, что она на тебя глаз положила. — При отсутствии улыбки было трудно понять, чего в этих словах у соседа было больше: зависти или издевки.

— Да ладно тебе, она мне в бабушки годится, — отшутился я от нового знакомого, расправляя матрас и заправляя свою кровать.

Толя переключился на другую, еще более животрепещущую для него тему:

— У нас тут со вчерашнего дня еда осталась, угощайся. А «вписываться» вместе с Лёней будете, он тоже первак, только вчера заехал. Можно сказать, тебя и ждали, чтобы полный комплект был. Так что, если из дома прихватил чего-нибудь интересного, прибереги пока.

Судя по тому, что́ было на столах, еда осталась не только со вчера, но и за добрую неделю, если не дальше. На дне трехлитровой банки в рассоле плавало несколько огурцов; стояли грубо наполовину вскрытые консервы: тушенка, бычки в томатном соусе; подсыхала нарезка салями; в миске, уже достаточно заветренные, лежали нарезанные свежие огурцы, зелень; наблюдался и уже украшенный плесенью черный хлеб. «Да, тараканы за местную прописку точно насмерть бьются, а уж что они здесь ночью вытворяют...»

— Нет, спасибо, я не голоден. А насчет «вписаться» не переживай: есть чем угостить.

— О, это дело! Лёня с Олегом скоро должны вернуться, они земляками оказались, оба из Горно-Алтайска и уже куда-то вместе ушли. Как придут, так и решим, когда будем праздновать. Мы-то с Олегом уже второй год тут обживаемся, — с этими словами Толя растянулся на кровати. Воспользовавшись паузой в разговоре, я решил освободить чемодан и открыл стоявший у противоположной стены от кровати шкафчик. Моя свободная половина объемом никак не радовала. «Да, надо будет еще себе полочки купить и на стене над кроватью их повесить», — моментально разработал я план обустройства жизненного пространства.

***

Я с нетерпением ждал первый учебный день, чтобы познакомиться с группой. Я надеялся, что, возможно, как и раньше при смене школ, мне легко удастся найти новых друзей. За несколько дней проживания в общежитии я сделал быстрый и однозначный

вывод, что ни с кем из соседей сдружиться не получится. Они мне были неинтересны, непонятны и «параллельны». Мы существовали в одном пространстве физически, но ментально — в совершенно разных измерениях.

Теперь была надежда на одногруппников. Мысленно проигрывая первый день в университете, я вдруг ясно ощутил, что мне чего-то как будто не хватает... Какой-то точки опоры... И тут я сделал неожиданное открытие. Мне до сих пор это казалось какой-то очевидной и само собой разумеющейся вещью, но такое ведь мало у кого в жизни случается: начиная с первого класса и вплоть до своей последней четвертой школы, процесс адаптации к новым условиям и новому коллективу я проходил не один. Со мной всегда был мой верный и близкий друг Митя, мы были с ним всегда вместе в буквальном смысле с песочницы.

Дружили не только мы, но и наши родители, поэтому мы вместе пошли в первый класс, вместе ездили на той самой маршрутке и вместе ходили на секцию дзюдо. Когда мы были в третьем классе, нашу школу закрыли, и мы вместе перешли в другую. Через год, когда рядом с нашим домом открылась новая школа, мы так же вместе вновь перешли в нее.

На этом наша смена школ не закончилась. В конце седьмого класса мы случайно встретились с учительницей из второй по счету школы Светланой Петровной. В четвертом классе она приобщила меня и Митю к занятиям по робототехнике, которые нас тогда очень увлекли. В разговоре мы посетовали, что в новой школе робототехники нет. Выслушав нас, она поделилась, что тоже недавно пошла работать в другую школу, и предложила перевестись в нее и нам, чтобы возобновить занятия робототехникой. А чтобы познакомиться с ребятами, с которыми нам, возможно, предстоит учиться, Светлана Петровна пригласила нас съездить с ними на летних каникулах на экскурсию в Санкт-Петербург.

Поездка прошла как нельзя лучше, мы быстро сдружились с ребятами из ее класса, и решение о переходе в эту школу было

принято очень быстро. Занятия робототехникой стали проходить настолько увлекательно, что к ним приобщился даже мой отец, который охотно помогал мне в процессе подготовки к олимпиадам, проходившим каждый год в разных странах мира.

Теперь же, находясь в университетском общежитии Новосибирска, я чувствовал себя оставшимся один на один с вопросом, какое окружение меня ждет и как мне его сформировать. Мне было важно найти людей, в которых я бы мог ощутить опору и которым такой же опорой мог бы стать.

В первый месяц учебы больше всего я стал общаться с парнем, который по манере одеваться был похож на альпиниста. Это был мой одногруппник — первый староста нашей группы (до его отчисления) по имени Кирилл. Не помню точно, но то ли мы на одном из первых занятий оказались по соседству, то ли вместе пошли в столовую, но от университета до общежития я чаще всего стал возвращаться именно с ним.

Весь его гардероб от обуви до головного убора составляла продукция фирмы Salomon именно туристического направления. Даже рюкзак у него был скорее походный, чем традиционный. Хотя в разговорах какой-либо особой привязанности к горам, путешествиям или рыбалке он не проявлял. Наше общение строилось скорее на моем умении слушать и его желании поговорить, чем на каких-то общих интересах и увлечениях.

Я как мог всегда поддерживал разговор, но стремления делиться своими мыслями, переживаниями и чем-то, выходящим за рамки природы, погоды, учебы, у меня не возникало. Порой я ловил себя на мысли: «Неужели мне и дальше предстоит дружить с этим человеком только потому, что мне больше не с кем общаться?» И ничего плохого, в общем-то, о Кирилле я не мог сказать, но чего-то не хватало, не было взаимного притяжения, которое я искал.

«А может быть, это со мной что-то не так? Это я не вписываюсь в это новое для меня окружение?— размышлял я. — В конце

концов, Новосибирск — новый для меня город, меня здесь никто не знает, я могу здесь быть кем угодно, играть какую угодно роль, чтобы вписаться в эти правила».

Но как именно мне можно было бы поменяться, я не представлял. Поэтому с реализацией данного сценария не спешил, а просто продолжал привыкать к новым жизненным обстоятельствам, постепенно расширяя круг общения.

Как-то раз я возвращался из университета в общагу вместе с Кириллом и одногруппницей Таней, с которыми я стал общаться больше, чем с кем бы то ни было еще. Но при этом дружбой я бы это не назвал: общение происходило в основном в стенах университета, а когда мы возвращались в общагу, то расходились по своим комнатам и больше не пересекались.

Наш корпус общежития № 6 находился на самом большом удалении от здания факультета — около 25 минут пешком, и почти каждый день по дороге домой мы шли, болтая о самых разных вещах. И вот однажды как-то сама собой речь зашла о том, кто из какого города и какой из «не новосибирсков» представлен в нашей группе наиболее широко.

— А двойняшек как будем считать? Как «каждый сам по себе» или как «два в одном»? — пошутила Таня.

— Каких двойняшек? — не понял я вопроса и даже подумал, что как-то умудрился упустить нить диалога и разговор ушел в другую сторону.

— В смысле? — теперь состояние ступора отобразилось на лицах Кирилла и Тани.

— Мы же о нашей группе говорим? Какие еще двойняшки?

— Тима и Матвей — они учатся в нашей группе. Ты что, не знал? — с авторитетом человека, обязанного знать каждого в своей группе, пояснил Кирилл.

— Да ты прикалываешься! Какие еще двойняшки? Я же всех в лицо уже знаю,— продолжал недоумевать я.

— Просто ты, видимо, путаешь близнецов и двойняшек: близнецы похожи, а двойняшки нет. Они разные, не очень похожи